

Б.И. Поварницын

Пермский государственный технический университет

ЭТНОПОЛИТИКА СТАЛИНИЗМА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Показана эволюция взглядов иностранных обществоведов на советскую этнополитику «сталинского» периода (1917– середина 1950-х годов). Рассмотрены организация и источниковая база исследований, а также теоретические положения, господствовавшие в различные периоды времени.

Первые десять лет существования советской власти можно считать своеобразной «черной дырой» в англоязычной (да и, в большой степени, иностранной вообще) историографии нового государства, в частности, его этнополитики. С одной стороны, можно понять погруженность зарубежных обществоведов в проблемы послевоенного восстановления своих государств, а затем в ситуацию мирового экономического кризиса и великой депрессии. Можно понять и неверие многих зарубежных исследователей в то, что в России «это надолго» и в то, что стоит придавать «этому» внимание. С другой стороны, опубликованные советские материалы, периодика, свидетельства посещавших советскую страну западных специалистов и покинувших ее эмигрантов давали немалый материал для изучения грандиозного социально-экономического и политического эксперимента, разворачивавшегося на глазах всего мира, как бы к целям этого эксперимента ни относился лично исследователь.

Лишь на рубеже 1920–1930-х годов были предприняты первые попытки всерьез осмыслить советскую этнополитику. В 1928 году в США увидела свет первая книга первой в мире специализированной советологической серии «Исследования советской России издательства Вэнгард» – «Евреи и другие национальные меньшинства при Советах» А. Ярмолинского¹, а в 1929 году – работа У.Р. Бэтселла «Советское правление в России»². Оба автора (при многих различиях их трактовок) сходились в одном: этнополитика сталинского руководства есть не более чем набор тактических маневров для привлечения поддержки нерусского населения СССР. Оба автора, однако, считали эти действия объективно благотворными для нерусских этносов. Пределы

¹ Yarmolinsky A. The Jews and other minor nationalities under Soviets. N.Y.: Vanguard, 1928.

² Batsell W. R. Soviet rule in Russia. N.Y., 1929.

такой политики определялись лояльностью того или иного этноса по отношению к советской власти. У. Бэтселл, кроме того, отметил потенциальную опасность, заложенную в этнотерриториальном государственном устройстве СССР: неизбежное складывание и укрепление этнополитических элит, которые рано или поздно поставят вопрос о полной самостоятельности своей или «своих» территорий.

Несмотря на столь многообещающее начало, дальнейшие публикации 1930–1940-х годов с аналитической точки зрения были гораздо слабее. С одной стороны, сложилось достаточно представительное «объективистское» направление историографии (Б. Хоппер, К. Ламонт и др.), подробно описывавшее практику советской этнополитики, но не пытавшееся (или не способное) разобраться в ее движущих пружинах. С другой стороны, сформировалось откровенно апологетическое течение (А.Л. Стронг, С. и Б. Веббы, Л. Барнес и др.), питавшееся, очевидно, личными политическими идеалами авторов. Наконец, были немногочисленные критические работы, опять-таки заметно политизированные, трактовавшие СССР как реинкарнацию Российской империи – тюрьмы народов.

С началом «холодной войны» начался новый период англоязычной историографии вопроса. Создались вполне определенные атмосфера и социальный заказ для «советских исследований», сформировалась советология как относительно самостоятельная ветвь политической науки (главным образом, в США) с развитой организационно-исследовательской базой. Конец 1940-х и первая половина 1950-х годов стали временем появления целой серии оригинальных и для своего времени весьма глубоких работ Р. Пайпса³, И. Дойчера⁴, Э. Х. Карра⁵. Будучи совершенно самостоятельными и во многом различными научными произведениями, они роднились между собой использованием максимально возможного в тех условиях круга источников. Сходились и некоторые выводы авторов, например, мнение о том, что этнополитика СССР была не самостоятельной сферой управления, а производной от реализации более широких задач советской власти. Более «выпукло», нежели раньше, в этих работах начал выглядеть и сам Сталин как руководитель этнополитики: он перестал трактоваться либо как простое «продолжение» Ленина, либо как тотальный антипод своего предшественника и учителя, в его действиях в национальном вопросе стали подчеркиваться самостоятельная логика и влияние меняющихся обстоятельств.

Впрочем, разумеется, между работами этих авторов были заметны и различия. Р. Пайпс и И. Дойчер стояли ближе к системе аргументации, логике и выводам Л. Троцкого, сохранившимся в его неоконченной биографии «Ста-

³ Pipes R. The formation of the Soviet Union: Communism and nationalism, 1917–1923. Cambridge: Harvard univ. press, 1954.

⁴ Deutsher I. Stalin: A political biography. L.: Penguin, 1949.

⁵ Carr E. H. The Bolshevik revolution, 1917–1923. Vol. 1. L.: McMillan, 1950.

лин» и в других произведениях; Э. Карр в этом смысле был более самостоятелен. Если Р. Пайпс считал тенденцию к внутривластительской централизации, проявлявшуюся и в этнополитике, составной частью большевистской доктрины (общей для Ленина и Сталина), то с точки зрения Э. Кара эта тенденция была не столько большевистской, сколько общеполитической. Можно привести и другие примеры расхождений.

Близко по значению и по качеству к перечисленным выше работам стояли монографии авторов, основывавшихся на материалах известного «Гарвардского проекта» – А. Инкелеса, Р. А. Бауэра, М. Фэйнсод⁶. Хотя «Гарвардский проект» и не сосредотачивался специально на этнополитических вопросах, некоторая полученная в ходе его информация позволила сделать указанным исследователям методологически важные выводы. А. Инкелес, например, писал о том, что полученные в результате проекта данные «неотвратно вели к заключению, что жизненные условия украинца [именно этнические украинцы широко использовались в «Гарвардском проекте» в качестве источников информации] в советской системе и его реакции на эту систему в первую очередь определены его статусом советского гражданина с определенными занятиями или с принадлежностью к определенному общественному классу, и лишь весьма вторично определены его национальностью ... Можно шире и точнее предсказать оценки, ценности и жизненные ожидания советского человека, если известен только общественный класс, к которому он принадлежит, чем если известна только его этническая группа».

Некоторые из взглядов авторов перечисленных выше работ были восприняты западными исследователями и стали стандартными для многих публикаций на весь период 1950-х – конца 1980-х годов. Однако основной, на наш взгляд, методологический вывод о вторичности национальной политики в СССР оказался забыт вплоть до рубежа 1980–1990-х годов. Не нашло достойного продолжения и стремление авторов этого периода опираться на максимально возможный объем источников. Такие знаменитейшие авторы 1950–1980-х годов, как Р. Конквест, З. Бжезинский, Н. Хазард, при их несомненных заслугах в исследовании собственно политических институтов и в привлечении внимания к ранее неисследованным проблемам, не смогли поддержать высокий уровень методологии и анализа источников, свойственный перечисленным выше советологам середины 1940-х – середины 1950-х годов.

Период с середины 1950-х до конца 1980-х годов в историографии советской национальной политики (в том числе сталинской) можно считать периодом безраздельного господства советологии. В силу особенностей этой дисциплины, главное внимание исследователей было сосредоточено на цен-

⁶ Fainsod M. How Russia is ruled. Cambridge: Harvard univ. press, 1953; Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet citizen Daily life in a totalitarian society. Cambridge: Harvard university press, 1959; Inkeles A., Bauer R. A. The Soviet citizen. Cambridge: Harvard univ. press, 1959.

тральных политических учреждениях СССР; катастрофическая нехватка документальных источников заставляла заниматься бесконечным взаимным цитированием и делать далеко идущие выводы подчас из совершенно случайных и обрывочных фактов. Характерной чертой большинства работ этого периода было априорное непризнание официальных советских источников (опубликованной экономической статистики, материалов переписей, публикаций СМИ и т. д.). В целом этот недостаток был свойствен и исследованиям сталинского периода советской этнополитики, хотя в некоторых из них использовались опубликованные документы советской власти и коммунистической партии. К сожалению, не многое добавили в историографию сталинской национальной политики и историки «ревизионистского» направления, чей интерес к социальным процессам, казалось бы, должен был толкать их к изучению и национального вопроса. Возможно, причиной тому была именно незаостренность национального вопроса в повседневной жизни большинства рядовых советских граждан.

Разумеется, было бы преувеличением вообще отрицать наличие в 1950–1980-е годы содержательных англоязычных работ по рассматриваемой тематике. Интересные работы, рассматривавшие национальный вопрос и национальную политику в СССР, были написаны на материале отдельных союзных республик⁷, а также на материале националистических движений антисоветского сопротивления⁸. Однако эти удачные публикации лишь оттенили общую тенденцию. К концу 1980-х годов сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны, общим местом стали констатации важности национального вопроса для судеб СССР, с другой – среди англоязычных авторов практически отсутствовали попытки выйти из «советологического гетто», построенного вскоре после Второй мировой войны.

Распад СССР и необходимость подвести итоги советской истории, а также ставшая более доступной источниковая база ознаменовали начало нового, третьего периода англоязычной историографии вопроса, продолжающегося и поныне. В 1990-е годы было предпринято несколько попыток написать «новую» историю СССР, включая и историю советской этнополитики, основываясь на отмеченных выше изменениях. Удачными примерами таких попыток являются работы Роналда Г. Сьюни «Советский эксперимент» и «Месть прошлого: национализм, революция и коллапс Советского Союза»⁹.

⁷ Применительно к Средней Азии, см., напр.: Central Asia: a century of Russian rule / Ed. by E. Allworth. N.Y.: Columbia univ. press, 1967; Central Asia: one hundred and twenty years of Russian rule / Ed. by E. Allworth. Durham: Duke univ. press, 1989; Central Asia: 130 years of Russian dominance, a historical overview / Ed. by E. Allworth. Durham: Duke univ. press, 1994.

⁸ См., напр.: Motyl A. J. The turn to the right: the ideological origins and development of Ukrainian nationalism, 1919–1929. Boulder: Columbia univ. press, 1980.

⁹ Suny R. G. The Soviet experiment: Russia, the USSR and successor states. N.Y.: Oxford university press, 1998. 540 p; Его же: The revenge of the past: nationalism, revolution and the collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford university press, 1993. 200 p.

Для этих работ характерна несравненно большая, нежели на протяжении предшествующих периодов, свобода от идеологических догматов. Исследовательский подход Р.Г. Сьюни основан на идее о том, что «национальный вопрос» являлся относительно самостоятельной, но в то же время неотъемлемой составной частью комплекса проблем как поздней Российской империи, так и советского государства. «Коренизация без НЭП... была также невозможна, как НЭП без коренизации», – писал он. Наиболее плодотворной мыслью Р.Г. Сьюни представляется его диалектическая оценка результатов советской этнополитики. «СССР был псевдофедеральным государством, которое одновременно устраняло политический суверенитет национальностей, но и гарантировало им территориальную идентичность, учреждения образования и культуры на родном языке и продвижение коренных кадров к властным позициям», – писал он, подчеркивая, что все эти процессы начались уже в годы гражданской войны¹⁰.

Схожие оценки высказал и один из известнейших советологов США Мартин Малиа, также опубликовавший в 1990-е годы свой вариант «новой и законченной» истории СССР. Отказываясь от трактовки СССР как продолжения Российской империи, он, в частности, оценивает коренизацию 1920-х годов как «имплантацию советских институтов в нерусские культуры»¹¹. Сходным образом – не как русификацию, а как советизацию нерусских, – он трактует и более поздние этапы советской этнополитики.

Интересным экспериментом стала монография Терри Мартина «Империя аффирмативных действий»¹², в которой детально рассматривается политика «коренизации» и ее связь с общими процессами эволюции политики советского руководства. Автор аргументированно доказывает неизменность курса на «коренизацию» не только на рубеже 1920–1930-х годов, но и в последующие десятилетия (хотя и в разных формах), его глубинную связь с общими принципами советской внутренней политики.

Можно сказать, что англоязычная историография сталинской этнополитики прошла большой путь и достаточно успешно преодолела «детские болезни» источникового голода, чрезмерной политизации и засилья тоталитарной школы советологии. Современные работы этого направления представляют большой методологический и информационный интерес, в том числе для отечественных исследователей и практиков.

Получено 12.11.2010

¹⁰ Suny R. G. Op. cit. P. 101–102.

¹¹ Malia M. The Soviet tragedy: a history of socialism in Russia, 1917–1991. N.Y.: The free press, 1996.

¹² Martin T. The affirmative action empire. Ithaca. L.: Cornell univ. press, 2001.